

Первое издание — 1912, перевод с урезанного издания 1993 г.

Предисловие

Идея об Учителях, старших братьях человечества, всегда вызывает трепет в человеческом сердце, и любые слова о них принимаются с радостью и охотой. Представление же о том, что в концепции об этих великих существах есть что-то нелогичное, уже исчезает на Западе, как будто его и не было. Теперь осознаётся, что существование таких существ является естественным, как и во всякой эволюции высшие её достижения являются естественной необходимостью. Многие начинают узнавать таких людей в великих фигурах прошлого, и поскольку рассудок признаёт их существование в прошлом, надежда призывает искать их и в настоящем.

Более того — среди нас, и на западе, и на востоке, всё увеличивается число людей, которым удалось найти этих Учителей, и из умов которых навсегда исчезли сомнения в их существовании. Путь к ним открыт, и те, кто ищет, найдут.

Возможно, эта книжка побудит кого-нибудь к поиску великих Учителей. Я, как знающая их, не могу сослужить большей службы своим братьям, чем вдохновить их на начало поиска, который увенчается наградой, которая за пределами всяких слов.

Учителя как факты и идеалы

[Лекция, прочитанная в 1895 г. в Лондоне]

Свидетельство религий

«Учителя как факты и идеалы» — я выбрала такое вот двойное название, поскольку есть те, кто не знает их на самом деле, но для кого их идеал полезен, драгоценен и вдохновляющ. Не всякий член Теософического Общества верит в существование махатм. В его рядах есть многие, кто не верит в них и не знает их, а правила нашего общества предполагают, что от вступающего не требуется никакого отчёта о его верованиях, за исключением признания братства людей без всех различий, что обнаруживаются с внешней стороны. Так что, находясь в нашем Обществе, вы можете как верить, так и не верить в существование Учителей в настоящем и прошлом. Но я, верящая в них, и знающая, что они существуют, говорю здесь не от имени Общества, у которого нет своего собственного вероисповедания, но от себя лично и от имени тех, кто разделяет со мной эту веру и это знание; и я собираюсь представить вам об этом рациональное свидетельство, достойное рассмотрения — то, что вы сможете обдумать на досуге и составить своё о нём представление. Я говорю также ради идеала, ведь идеалы расы ценны и не могут быть легко поруганы или отвергнуты. Велик идеал махатмы, несмотря на все пустые насмешки, ведь это просто санскритское название «великого духа».

Нет ни одной великой религии, которая бы возвышала умы людей, и ни одного великой веры, которая бы вела миллионы к знанию духовной жизни и возможностей человеческого роста, не основывая вероисповедание на Божественном Человеке и не оглядываясь на своего основателя — на одну из тех могучих душ, что принесли в мир знание о духовной истине. Взгляните, если хотите, в прошлое, и выберите любую веру. Каждая из них основывается на том же идеале, и прослеживается к своему Учителю Людей, который божественен в своей жизни. Вокруг этого идеала сосредотачиваются все надежды людей и все будущие судьбы человечества. Ведь не будь человек духовным существом, не имей в себе возможности духовного раскрытия, не будь свидетельств о человеке, ставшем совершенным, не будь правдой то, что перед вами и передо мной открыты те же великие возможности, которые были подтверждены достигшими в прошлом — тогда все людские надежды останутся безосновательны, стремление людей к совершенству будет лишено всякой уверенности, а само человечество окажется каким-то временным образованием, вместо того, чтобы наследовать неограниченное бессмертие. Идея о том, что человек может стать божественным, вдохновляла величайших представителей нашего человечества, утешала несчастных в их страданиях и освещала будущее надеждой. Вот почему защищаю я этот идеал. Кто же такой махатма? Это человек, ставший совершенным, достигший единения с божественным, медленно и постепенно развивший возможности человеческой природы и стоящий триумфатором там, где мы боремся сегодня. Всякая религия свидетельствует о нём. Каждая религия мира прослеживается к Божественному Учителю. Можно назвать имя Зороастра в Персии, Кришны, и позднее, Будды — в Индии, Христа — в Палестине, каждый из которых — Божественный человек, принеший уверенность в человеческом совершенствовании тем, кто попал в сферу его влияния.

Как же будем мы выстраивать линию нашего свидетельства? Вначале я предложу теорию, вероятную согласно направлению естественной эволюции. Затем обращусь к свидетельствам о Божественных Людях в прошлом и перейду к свидетельствам о существовании их в настоящем; затем — поскольку без этой последней части лекция останется лишённой практической пользы — постараюсь показать, каким образом человеку возможно стать совершенным, приведя краткий обзор методов, благодаря которым становятся божественными людьми.

Во-первых, теория о существовании Учителей вполне вероятна и находится в соответствии с аналогией, видимой нами повсюду вокруг в природе и её прошлом. Вероятно, сейчас немногие станут оспаривать факт эволюции. И немногие станут отрицать прогресс человечества — ведь цикл за циклом выявляются нации, достигающие всё больших вершин знания, роста и развития. Если мы рассмотрим огромные периоды, прошедшие с тех пор, как человек сделал на Земле первые шаги, и примем во внимание огромные различия между первобытным и высокоразвитым человеком, то не увидим ничего невозможного и абсурдного в том, что эволюция может продолжиться и до той точки, когда развитие некоторых индивидуумов значительно превышает уровень нынешнего цивилизованного человека.

И это ещё не всё. Мы оставили за собой не только огромные периоды времени, но и следы могучих цивилизаций, показывающих, как высоко поднималось человечество в своих знаниях, в своей философии, науке и религии, тысячелетия — нет, я бы сказала, сотни тысячелетий назад. Ведь оглядываясь назад, вы увидите следы великих цивилизаций, подразумевающие присутствие человека весьма продвинутого типа, и вряд ли логично будет предположить, что эволюция, о которой так много говорилось — всего лишь не более, чем приливы и отливы, не дающие никакого результата — не более, чем последовательность периодов высокой цивилизации, сменяющихся периодами крайнего варварства с последующим началом цивилизации, не имеющей с прежней никакой связи, обеспечивающей преемственность знания. И иногда мы видим признаки того, что вовсе не невозможно, а вполне вероятно, чтобы со времён этого великого прошлого некоторые выросли, продвигаясь выше и выше, и совершенствуя человеческий род в своих индивидуумах, так же медленно, как в свою очередь станут совершенными все. Это вовсе не невозможно, и даже не невероятно, если помнить, что прогресс — закон природы, и учитывать огромное время, на протяжении которого существовало человечество.

Исторические свидетельства

Но от простой возможности, показанной мною, чтобы расчистить путь и отвести идею о невозможности и абсурдности, давайте перейдём к историческим свидетельствам и посмотрим, не указывает ли время от времени история на гигантские человеческие фигуры, возносящиеся высоко над людьми своего времени и ординарным уровнем человечества — нет ли свидетельства, которого нельзя будет отрицать, что такие люди — не просто плоды народного воображения, и не просто люди прошлого, преувеличенные традицией и видящиеся в тумане столетий великими. Я говорю о Великих, упоминавшихся уже мною в качестве основателей великих мировых религий.

Есть не только непрерывная традиция и религии, построенные на том, что заложили эти великие люди, есть и более, чем традиция или выросшая религия — есть литература, известная и определённая, древности которой никто из учёных не станет отрицать, хотя некоторые могут настаивать на большей её древности, чем способны признать другие. Возьмите последние датировки, даваемые востоковедами литературе Китая, Персии, Индии — не говоря уже о более

поздней. Некоторые книги считаются священными, и религии приписывают им незапятнанную древность. У китайцев свои древние священные книги, у парсов — последователей Зороастра — свои; в Индии есть Веды и Упанишады, не говоря уже о более поздних работах, и я могла бы, если хотите, привести длинные списки трудов, ценящихся, как священные писания у верующих этих религий.

Кто же написал эти книги, и откуда знание? То, что они существуют, очевидно. То, что у них должны быть авторы, тоже вряд ли можно отрицать. И всё же эти труды далёкой древности демонстрируют глубину духовного знания, философской мысли и взгляда в человеческую природу, а также столь высокое нравственное учение, что величайшие умы нашего времени, как в морали, так и в философии, должны признать, что современный мир не может предоставить ничего, что хотя бы приближалось к этим писаниям по своей возвышенности.

Это уже предмет не традиции, а книг, не вопрос не теории, а фактов — ведь раз эти книги столь великие, нравственность их столь чиста, философия столь возвышенна, а знание столь обширно, их авторы должны были обладать тем знанием, которое мы в этих книгах обнаруживаем. И свидетельство миллионов и миллионов соответствует реальности духовной истины, и учения, передаваемые таким вот образом, ведут целые нации. Но это ещё не всё. Учения эти аналогичны, где бы вы их ни обнаружили. То же самое учение о Божественной Жизни, из которой выросла вселенная; то же учение о тождественности духа в человеке с Духом, из которого произошла Вселенная; то же учение о том, что человек некоторыми методами может развить в себе духовную Жизнь и прийти к положительному знанию божественности, не ограничиваясь лишь надеждой и верой.

Так что из сведений этих отделённых времен мы можем получить по меньшей мере один факт, который нельзя отрицать — что в отдалённом прошлом жили некие люди, мысль которых была достаточно великой, нравственность — достаточно чистой, а философия — достаточно возвышенной, чтобы пережить катастрофы цивилизации и противостоять разрушительной силе времени. Сегодня для просвещения современного мира востоковеды переводят то, чему однажды учили великие люди древности, и находят в этих писаниях, дошедших до нас с самых древних времён, величайшие мысли из порождённых человеческим родом.

То, что некогда жили люди, более великие, чем мы, чьё знание простиралось далеко за пределы нашего, и то, что всё ещё мы можем учиться философии и духовным предметам у учителей, живших тысячелетия назад — это факт, который нельзя отрицать. То, что в прошлом были Божественные Люди, о которых мы говорим, как о махатмах, что свидетельством своего существования они оставили великую и возвышенную литературу — это первая линия нашей аргументации. Этим мы утверждаем их существование в прошлом, это доказательство того, что такие люди жили и учили, и их учение вело миллионы людей и помогало им, а также что их учение было тем же самым в своих основных чертах, и провозглашённые ими духовные истины дошли до нас через века неизменными — до сюда, по меньшей мере, мы можем говорить с уверенностью и чувством твёрдой почвы под ногами.

Утверждения этой литературы взывают к человеческому опыту. В ней говорится не только о том, что некоторые вещи существуют, но и что они могут быть познаны. Реальность души не просто провозглашается, но сообщается, как в этой реальности можно убедиться. То есть позиция учения такова, что декларируются некоторые факты, истинность которых всегда можно проверить, чем достигается постоянно накапливающееся доказательство истинности знания тех, кто первыми дали миру эти утверждения.

Перейдём к следующему пункту нашей аргументации — что эти заявления подтверждались опытом и подтверждаются сегодня. Возьмём, например, такую страну как Индия. Здесь существует непрерывная традиция, сохранившаяся до современности, которая гласит, что всегда существовали Учителя, которых можно найти, Учителя, обладающие знанием, на которое лишь намекается в книгах, способные добавить к теоретическим заявлениям практическое учение и дать людям возможность на опыте убедиться в истинности того, что говорится в упомянутой мною литературе. Спросите любого современного индийца, каковы его взгляды на этот вопрос, и он скажет вам, если конечно, не вестернизирован, и доверяет вам, что в его стране всегда сохранялось верование, что эти люди существовали в прошлом и не перевелись и в настоящем, но что они всё больше удаляются от мест обитания людей и открыть их всё труднее и труднее по мере роста стремления к материальному и снижения духовности, и всё же иногда их удаётся найти, и Путь для первых шагов открыт.

И это не просто верование — повсюду в Индии вы можете встретить многих, хотя и не достигших пока степени махатмы, всё же предпринявших некоторые шаги, чтобы подняться над физическим планом, и развивших в себе силы и способности, на которые обычный житель запада смотрит, как на совершенно недостижимые. Я говорю сейчас не о махатмах, а о тысячах так называемых йогов, рассеянных по джунглям и горам Индии, некоторые из которых проявляют замечательные способности — способности, которые здесь могут показаться невысказанными, но о которых набирается всё больше свидетельств из уст путешественников, собирающих и записывающих факты, с которыми им пришлось встретиться. Ведь ранних степеней развития внутреннего человека не так уж и трудно достичь, и в таких странах, как Индия, где не нужно преодолевать трудности скептицизма, поскольку эта вера существовала тысячи лет, вы встретите многих людей, демонстрирующих низшие психические силы, и немногих тех, кто ушёл намного дальше этой стадии, проявляя высшие психические способности или истинно духовные силы человека.

Вы можете встретить также и обладающих личным опытом, индивидуальным знанием о Мастерах и Учителях, обучающих своих учеников высшему пути, именуемому раджа или царственной йогой, той йоге, что в первую очередь тренирует ум, а не тело, действует путём сосредоточения ума, медитации и развития высших умственных способностей, о которых здесь столько дискуссий. При помощи определённой системы обучения можно сознательно применять силы ума, позволяющие их обладателю выйти за пределы физических ограничений, и покинув тело, получать наставления, которые он сможет затем перенести в низшее сознание и запечатлеть в физическом мозгу, подтверждая своим знанием истинность своего учения и существование Учителя, от которого он это знание получил.

Это будет следующим доступным нам направлением свидетельства. Но, доступным, как вы можете справедливо возразить, не для большинства. Так что вам, как разумным людям, належит помнить, что если вы желаете знания, то должны искать его там, где оно есть, и что для большинства людей, которые никогда не исследовали и не путешествовали, будет абсурдно писать о том, о чём у них нет знаний, точно так же как простому индийцу, не имеющему и малейшего понятия об опытах, производящихся на западе, говорить, что всё это невозможно и нелепо — просто потому, что он никогда не путешествовал туда и не видел, как они делаются. Нужно подходить к опыту рационально — если вы не можете сами соприкоснуться с какими-то фактами, с некоторыми фазами человеческой жизни, вы должны оставаться в невежестве относительно их — и тогда либо молчать, либо принять свидетельство тех, кто тщательно исследовал предмет и изложил вам результаты своих исследований.

И это подводит меня к следующему направлению аргументации. Положим, такие люди существовали в прошлом, как допускает каждая религия в отношении своего основателя — хотя может и отрицать это в отношении основателей других религий — допустим, что в прошлом жили такие Божественные Люди, а веря в бессмертие духа, мы должны допустить, что они должны где-то существовать и сейчас, если существовали вообще. Так существуют ли они сейчас? Можно ли их достичь? Можно ли их узнать? И есть ли другие, достигшие подобного положения, существование которых подтверждается свидетельствами, достойными рассмотрения? Есть ли они ещё?

Здесь следует принять направление мышления, используемое в случае, если бы я хотела доказать вам существование любого человека, живущего в стране, в которой вы не были, и в условиях, которых вы сами никогда не переживали. Непосредственная демонстрация во всяком случае тут будет невозможной. Я не могу продемонстрировать вам существование, например, графа Толстого. И если вы не поедете в Россию или ему не случится быть здесь, и вы не встретите его, я не смогу дать вам прямой демонстрации его существования. Но я могу привести свидетельства, которые убедят всякого разумного человека, свидетельства, которые будут приняты в любом суде, и я смогла бы показать вам, что нет никакого резона отрицать его существование просто потому, что вы с ним лично не встречались и не получили наглядного подтверждения.

Но какое же подтверждение существования божественных, совершенных людей, живущих в наше время и при определённых условиях достижимых, смогу я вам предоставить? Возможно, многие из вас будут возражать против моего первого свидетеля, но не из-за этого возражения я пока не называла это имя — я говорю о Е. П. Блаватской. Я знаю, что она подвергалась нападкам со всех сторон. И перед лицом этих обвинений, прочитав их, и прочитав внимательно, я говорю, что всё же остаётся достаточно пришедших через неё свидетельств, которых эти нападки не коснулись, и они вполне достаточны, чтобы быть представленными на ваше рассмотрение и убедить логичных людей. Если хотите, примите на время — хотя я и буду отрицать его — одно из худших обвинений, а именно, что она вовсе не встречалась с махатмами, а выдумала их, что они не существуют вне её воображения, и всё сказанное ею — ложь, а всё, что она делала — попытки ввести в заблуждение. Всё же вам придётся иметь дело с фактами её жизни и с фактами её книг.

“Тайная доктрина”

Вам придётся иметь дело с книгой, известной как «Тайная доктрина», и если вы захотите понять её, вам нужно будет прочитать её, прежде чем отбросить в сторону, и изучить её, прежде чем смеяться над ней. Мадам Блаватскую обвиняли в плагиате, что она дескать собрала всё отсюда и отсюда, скомпилировала из других книг. Но учтите, что она никогда и не заявляла, что сама открыла всё знание, которое дала миру; её позиция как раз заключалась в том, что это знание идёт с отдалённого прошлого и может быть найдено в каждом писании и каждой философии, и сама цель книги заключалась в том, чтобы позаимствовав отовсюду, из писаний всех религий и всех народов, показать тождественность учения и доказать древность этой доктрины.

Новое в этой книге — не факты, в ней содержащиеся. Ново в ней то, что не было найдено

востоковедами, и не может быть найдено в той или иной отдельной священной книге. Это знание, что позволило ей выбрать из всех этих фактов то, что составляет единую, величественную концепцию эволюции вселенной и человека, связанный синтез всей космогонии. И она достойна звания величайшего учителя нашего времени, потому что обладала не просто книжным, а настоящим знанием, благодаря которому она собрала истины, рассеянные в разных книгах, соотнесла их и собрала в единое величественное целое; потому что она обладала ключом, пользуясь которым она могла следовать по лабиринту с безошибочной точностью, показывая, что все рассеянные материалы содержат в себе возможность единого здания. И её работа тем более удивительна в силу того, что она не была учёным и не получила того образования, которое бы позволило ей в какой-то мере собрать всё это знание вместе, и тем не менее она сделала то, что не смогли сделать все востоковеды вместе взятые со всей их учёностью и знанием восточных языков, а также литературы. Никто из них не вывел из запутанной массы могучий синтез, никто из них не смог из хаоса выстроить космос. А эта русская женщина, которая не была учёным, да и не считала себя им, где-то приобрела знание, позволившее ей сделать то, что не смог сделать никто из ваших учёных; где-то она получила учение, позволившее ей свести хаос к порядку и составить величественную схему эволюции, дающую нам возможность понять природу и человека. Она говорила, что всё это — не её, и никогда не претендовала на то, что является источником; она всегда говорила о собственной жажде знания и ссылалась на тех, кто её научил.

Тем не менее факт, с которым вы встречаетесь, таков: вот знание, готовое к критике. Никто другой не сделал этого, хотя те же самые материалы, что были использованы, открыты для всего мира. И моим ответом будет — укажите на кого-нибудь другого, кто может сделать то, что сделала она. Пусть будет ещё немного плагиаторства, способного собрать из многих источников всё необходимое для величественной философии. Пусть ваши учёные сделают это и помогут нам понять религии мира, как помогла она. Пусть они покажут нам тождественность и реальность, и тогда мы возможно начнём пересматривать своё мнение о ней; но пока этого не сделано, её притязания остаются непоколебимыми, даже если вы докажете, что она во многом ошибалась, или если в неё станут бросать камни кто-нибудь из тех, кто никогда не сможет соперничать с ней в бескорыстии, самопожертвовании и знании.

Причина, по которой вы не можете поколебать нашу веру — в том, что она помогла нам в знании, в том, что мы получили от неё учение, которого не дал никто другой; в том, что она открыла нам пути к приобретению ещё большего знания в том же направлении и от тех же Учителей, что учили и её. Вот почему мы остаёмся такими дураками, как люди про нас думают, цепляющимися за неё и её память — ведь мы перед ней в таком долгу благодарности, который никогда не сможем оплатить, и никогда на её могилу не будет брошен камень, которого я бы не попыталась поднять и убрать с неё — во имя знания, к которому она вела меня, и бесценных преимуществ, которые она дала мне тем обучением, которое начала.

И свидетельство от неё, которое я прошу вас принять, это не свидетельство феномена. Я пока откладываю это в сторону. И это не свидетельство учёности. Она никогда и не претендовала на это. Это и не вопрос того, была ли её жизнь с самого детства совершенной. Оно — в том, что она каким-то образом приобрела определённые знания, которые нельзя объяснить обычным образованием, приобрела их за сравнительно короткое время, что поразило её собственную семью и друзей, и говорила, что получила их от неких Учителей — и важный факт здесь в том, что она обладала ими, каким бы образом она их ни получила.

Вот свидетельство, которое я хочу подчеркнуть, потому что этот непоколебимый пункт отмечает всякие предположения о любом роде обмана, оставаясь вне и превыше их. И этот факт знания, вложенного в «Тайную доктрину», свидетельствующий здесь за неё, никак не может

быть отброшен — ведь чем больше вы будете принижать её, тем сильнее вы будете возвышать и подтверждать существование Великих, работавших через неё и давших ей то, что она произвела.

“Голос Безмолвия”

Есть ещё момент, связанный и с другой её книгой, «Голосом Безмолвия», которая представляет для меня особый интерес — случилось так, что эта книга была написана, когда я была с ней в Фонтэнбло. Это небольшая книжка, и то, что я собираюсь сказать, касается её самой — я не говорю о примечаниях, они были написаны потом. Саму книгу можно назвать поэмой в прозе в трёх частях. Блаватская написала её в Фонтэнбло, и большая часть была сделана, когда я была с ней и сидела в комнате, в то время как она писала. Мне известно, что она писала, не справляясь ни по каким книгам, а равномерно, час за часом, в точности как бы она писала из памяти или читая оттуда, где не было никакой книги. Написав при мне за вечер эту рукопись, она попросила меня и других проверить её на правильность английского, поскольку она писала так быстро, что была уверена, что получилось плохо. Мы изменили лишь несколько слов и, даже если отбросить всё прочее, эта книга остаётся удивительно красивым образцом литературы.

Это, как я уже говорила, поэма в прозе, полная духовного вдохновения и пищи для сердца; стимулирующая самые высокие добродетели и содержащая самые благородные идеалы. Это не винегрет, скомпилированный из разных источников, а этичное и связное целое. Она движет нас не утверждая факты, собранные из книг, а взывая к самым божественным инстинктам нашей природы — сама она лучшее свидетельство источника, из которого она пришла.

Личное знание

Перейдём же от самой мадам Блаватской к тем, кого она учила. М-р А. П. Синнетт — один из них. Есть и многие другие, живущие повсюду, которых она учила сначала, а затем обучавшиеся уже у её Учителей. Так накапливаются свидетельства людей, которые своим собственным авторитетом, личным свидетельством и собственным опытом подтверждают реальность существования этих Учителей, личное с ними знакомство и полученное от них знание.

М-р Синнетт упоминал, что в его случае это продолжалось более пятнадцати лет. И у многих других было то же самое — как у графини Вахмайстер, полковника Олкотта и других, свидетельствующих лично. Вы собираетесь сказать, что все эти люди — обманщики? А какое право вы имеете обвинять их? Или вы скажете, что все они дураки? Но это мужчины и женщины, ведущие обычную жизнь, и известные среди знающих их как образованные, разумные и демонстрирующие те же знания и способности отличать одно от другого, что и остальные. Вы хотите сказать, что мы все сумасшедшие? Но это довольно безрассудное заявление, если учесть, что речь идёт о всё возрастающем числе вполне разумных людей. Какого ещё свидетельства о существовании кого-либо вы можете потребовать, кроме свидетельства тех, кто его знает, причём людей чести? Наше свидетельство личное и основано не на документах или писаниях, или просто на письмах, и т. д., в случае которых всегда сохраняется возможность обмана, а на индивидуальном общении с отдельными Учителями и на учении, которого мы бы иначе не приобрели. Вот с таким свидетельством вам придётся иметь дело, и даже доказательство обмана в случае двух или трёх человек не перевесит всё накапливающиеся свидетельства людей,

вступивших в сообщение с этими Учителями, и свидетельствующих о том, что знают самолично. И вам придётся всё это опровергать. И сколько бы вы ни забавлялись с хитро изготовленным письмом, сфабрикованным одним человеком с целью дискредитировать всё, вы не сможете дискредитировать всю эту массу свидетельств, доказав обман одного человека — точно так же, как нельзя оспаривать существование настоящих монет только потому, что какой-то мошенник запустил в обращение фальшивую, которая могла ввести людей в заблуждение.

Вы можете сказать: мы хотим личного непосредственного свидетельства. Вы можете получить его, но должны постараться — взять на себя труд и уделить достаточно времени. Это вовсе не неразумное требование.

Если вы хотите убедиться в верности экспериментов какого-нибудь великого химика, разве можно добиться этого, просто прийдя в лабораторию и смешивая всё подряд, что вы там найдёте? Не полагаете же вы, что можно подтвердить некоторые последние химические эксперименты, не потратив годы на изучение наук? И что вы подумаете о ценности критики со стороны человека, совершенно невежественного в химии, который скажет, что тот или иной эксперимент невозможен — просто потому, что сам он без знаний и подготовки не может повторить его?

Потому я и упомянула, что собираюсь рассказать, как становятся махатмами. Ведь только стремящиеся к этой цели погнут получить непосредственную демонстрацию существования тех, кто уже достиг. Вот цена, которую нужно заплатить. А без этого — единственная возможность — это свидетельства других, свидетельства, которые вы приняли бы, будь они даны по какому-нибудь другому вопросу, и которые в суде могли бы стоить больших сумм денег, недвижимости или чего-либо ещё. Вам достаточно просто ознакомиться с теми свидетельствами, краткий отчёт о которых я предоставила. Но для личной демонстрации вам самим нужно начать развиваться по тому пути, по которому прошло и их развитие, и для того, чтобы каждый желающий мог начать движение по этому пути и проследовать к его естественному завершению, миру были сообщены предаврительные шаги этого Пути, шаги, предпринимаемые достигающими знания, шаги, которым может приступить каждый, и которыми, в свою очередь, он приобретёт уверенность, подобную той, что есть у некоторых из нас. Именно с этой особой целью были опубликованы два маленькие книжки, прослеживающие начало Пути. Одна из них называется «Свет на пути», а другая, которую я уже упоминала — «Голос Безмолвия»; в дополнение к ним многие намёки рассыпаны и в другой теософической литературе.

С чего же должны начать обыкновенные люди? Если они хотят получить свидетельство возможности этого развития, в конце своём дающего Совершенного Человека, человека, ставшего божественным, то первые шаги — это те, которые предписывает любая религия — старание и бескорыстие в жизни, выполнение своего долга, на каком бы месте ни оказался человек. Можно воспользоваться фразой из этой книги:^[1] «Следуй колесу жизни, следуй колесу долга своему роду и семье» — это условие предварительное. Ведь все, желающие преобрести знание о Душе, должны начать так — оставить пути зла и следовать добру, и чистотой своей жизни, служением людям, постоянными бескорыстными усилиями стараться быть полезными в любом месте, куда приведут их законы природы. Стремление как можно полнее выполнить всякое обязательство, стремление прожить такую жизнь, после которой мир станет лучше, стремление жить благородно, бескорыстно и чисто — вот условия для тех, кто хотел бы найти Путь.

Теперь позвольте мне сказать, что если бы перевоплощение не было истиной, такое развитие уж точно не было бы возможным. Ни за какую человеческую жизнь нельзя было бы пройти этот длинный путь и развить в новорождённой душе все эти божественные способности, если бы душа человека не возвращалась на землю, неся с собой в каждую новую жизнь опыт всех прежних жизней и выстраивая жизнь за жизнью всё более высокий характер. Иначе стать махатмой действительно было бы невозможно, и совершенствование человека оставалось бы лишь мечтой поэта. Потому вместе со всем этим учением перевоплощение следует признать фундаментальным фактом природы, от которого должно зависеть совершенствование человека.

Жить благородно

Потому, во-первых, на протяжении жизней человек должен утвердиться в благородной и полезной жизни, чтобы раз за разом рождаться с всё более благородными качествами и высшими способностями. Затем в человеческой эволюции наступает вполне определённая стадия, когда душа, после долгого стремления вверх, немного поднимается над обычным уровнем развития. Есть люди исключительно бескорыстные, проявляющие исключительные способности, интуицию и любовь к духовному, исключительную преданность делу служения человечеству; и когда эти качества начинают проявляться, наступает время, когда один из великих Учителей берётся за такого человека индивидуально, чтобы вести его дальнейшую эволюцию и обучать развивающуюся душу. Первые же попытки должны делаться в согласии с великими духовными силами, распространёнными повсюду в мире. И когда эта возможность использована и люди сделали лучшее, на что способны по линии общего духовного роста, тогда и наступает та стадия, на которой является Учитель, чтобы направлять дальнейшую эволюцию, а чтобы к ней перейти, уже предъявляются некоторые определённые требования.

Они изложены в книгах, на которые я ссылалась. Их можно суммировать выражением, или скорее двумя выражениями — «осознание неотдельности», что я сейчас разьясню, и «строгая самодисциплина». Неотдельность с одной стороны, и строгая самодисциплина — с другой. «Неотдельность» — технический термин, означающий следующее — вы осознаёте, что фундаментально едины со всем, что живёт и дышит, и не отделяете себя ни от одного живого существа, ни от грешника, ни от святого, ни от высшего, ни от низшего представителя рода человеческого — даже от низших форм живых существ и от вещей, называемых неживыми, которые вы признаёте едиными в сущности, и едиными с вашим самым сокровенным Я. Как же можно это продемонстрировать? Этого добиваются целенаправленным усилием и тренировкой в отождествлении себя со страданиями, чувствами и чаяниями людей. Вам сказано: «Пусть твоя душа обращает своё ухо к каждому крику боли, как лотос раскрывает своё сердце, чтобы испытать утреннего солнца. Не позволяй палящему солнцу высушить и единой слезы боли, прежде чем сам ты не вытрешь её с глаза страдающего.»

Но это ещё не всё. «Дай каждой человеческой горящей слезе человека упасть на твоё сердце и оставаться в нём, и не вытирай её, пока боль, породившая её, не устранена.»^[2] Это первое. Иди к страдающему и облегчи его боль, но пусть она сжимает твоё сердце и остаётся там постоянным страданием, пока причина её не будет устранена. Это первая стадия неотдельности. Отождествитесь с печалью и радостью мира; пусть печаль каждого станет вашей печалью, боль каждого станет вашей болью, радость каждого — вашей радостью. Ваше сердце должно откликаться на всякий трепет в других сердцах, как струна откликается на ноту, на которую она настроена. Вы должны чувствовать боль, чувствовать страдание; вы должны чувствовать грех и стыд как свои собственные, делая их частью своего сознания, храня их и не пытаясь от них

убежать. Вы должны упражняться в чувствительности, которая ответит на каждое страдание человечества, и отвечать на него делом, а не только в чувствах — ведь «бездействие в деле милосердия становится действием в смертном грехе».

Но вы должны не только осознать боль мира и сделать её своей, вы должны быть столь же тверды по отношению к себе, сколь вы нежны по отношению к окружающим. Если беда мира — ваша беда, то вы не должны тратить время на свои собственные неприятности. У вас просто не хватит сил жаловаться на них, если вы отождествились с бедами человечества. И потому сказано, что в своих собственных болях и печалях вы должны быть тверды, как косточка манго, и мягки, как его мякоть к болям и печалям других людей.

Братство

Таким образом, жизнь за жизнью вы будете обучаться всё более и более отождествляться со всем, разрушая всё, что отделяет человека от человека. Вот почему братство — единственное наше условие, ведь признание его — первый шаг к осознанию неотдельности, необходимой для продвижения ученика. И обучение ученика — это именно тренировка, делающая его чувствительным к печалям всех, чтобы, чувствуя их, он был готов помочь, а также обучающая его самоотождествлению с целым, чтобы в конце концов он смог стать одним из Спасителей мира. Поскольку это обучение происходит жизнь за жизнью, в этом человеческом существе развивается всё возрастающее сочувствие, всё углубляющееся сострадание, милосердие, которое ничто не в силах запятнать, и непоколебимая терпимость. Никакая рана не вызовет у вас обиды, и печаль ваша будет лишь за того, кто её причиняет, а не из-за полученного ударом. Никакой гнев не возникнет у вас против поступающего неправильно в силу понимания, почему он так сделал — будет печаль за него, но у вас не будет времени, чтобы тратить его на гнев. Этим вы не будете мириться с неправдой или говорить, что неверное — верно, вы не будете притворяться и принимать зло за добро, ведь это было бы величайшей жестокостью и сделало бы прогресс человечества невозможным. Но признавая зло, не следует гневаться на совершающего его, поскольку он един с вашей собственной душой и вы не признаёте разделения между ним и собой.

Что же это даст? По мере этого роста будут расти и память, и знания; развивающаяся в ученике жизнь духа всё больше будет проявляться в делах людей, и со временем он станет заметным работником для людей и их помощником, трудящимся для них и рассеивающим их невежество, показывая ту реальность, что лежит за всеми иллюзиями мира. А по отношению к себе он должен быть твёрд, поскольку ему придётся встать между человеком и злом, между его более слабыми братьями и тёмными силами, которые иначе могли бы сокрушить их.

Ученика здесь можно сравнить со звездой, дающей свет всем, но не берущей ни у кого; он подобен снегу, защищающему семена от морозного ветра, чтобы они смогли прорасти, когда придёт время. Вот та тренировка, которой требуют Божественные Учителя от желающих стать их учениками. Не достижение и совершенство требуются сначала, а усилия; не демонстрация идеала, но стремление к нему несмотря ни на какие неудачи и ошибки. И я спрашиваю вас, разве те, кто признают это за идеал и знают это требование, предъявляемое к нам Учителями, могут действовать во вред обществу или быть кем-либо кроме слуг человеческих, находящихся в распоряжении тех, чей закон мы стремимся исполнять?

И тогда, как я говорила, жизнь за жизнью эти качества развиваются, пока наконец не наступит время, когда слабости человеческой природы будут постепенно преодолены и отпадут, и останется лишь непоколебимое сострадание, чистота, которую ничто не сможет запятнать,

знание, пронизательное в своём взгляде и дающая о себе знать духовность. Когда ученика отмечают все эти качества, он приближается к порогу освобождения. К концу пути, когда обучение завершено, перед учеником открывается возможность стать Совершенным Человеком. Тогда земля на время отходит на второй план, и он — освобождённая душа, душа, покорившая человеческие ограничения — стоит на пороге нирваны, того совершенного сознания и блаженства, которое за пределами всякой человеческой мысли, вне возможностей нашего ограниченного сознания. Сказано, что тогда наступает безмолвие — безмолвие в Природе, один из детей которой поднялся над её пределами, безмолвие, которое ничто и на мгновение не может нарушить. И вдруг оно нарушается голосом; это голос, что объединяет в один могучий крик все страдания мира, оставленного позади. Это крик из мира, лежащего во тьме, в страдании, в духовном голоде и нравственной деградации. Это крик страдания рода человеческого, взывающий к освобождённой душе, превзошедшей своих братьев и ставшей свободной, в то время как они остались в цепях.

Чувство единства

Куда же он двинется дальше? Жизнь за жизнью учился он отождествляться с людьми, жизнь за жизнью учился он отвечать на каждый крик боли. Может ли он идти вперёд, освобождённый, оставив других в цепях? Может ли он вступить в блаженство и оставить мир в страдании? Тот, кого мы называем махатмой — это освобождённая душа, имеющая право отправиться дальше, но вернувшаяся ради Любви. Он несёт своё знание, чтобы помочь преодолеть невежество, несёт свою чистоту, чтобы очистить скверны, несёт свой свет, чтобы рассеять тьму и взваливает на себя груз плоти до тех пор, пока род человеческий не станет вместе с ним свободным — тогда он продолжит путь не один, но как отец могучего семейства, ведя с собой человечество, чтобы разделить с ним общую цель и общее блаженство в нирване.

Вот таков махатма. Жизни и жизни усилий увенчались высшим отречением, совершенство, достигнутое борьбой и трудами, было принесено назад — в помощь остальным, пока они не встанут рядом с ним. Всякой душе, что выбивается из сил, он готов помочь. Его сердце откликается на крик каждого брата, ищущего водительства; так махатмы ожидают нас, пока мы захотим, чтобы нас учили, и дадим им возможность принять нирвану, от которой они отреклись.

Возвышенный идеал

Разве этот идеал достоин осмеяния? Если это только мечта, то это самая благородная мечта, когда-либо возникавшая у человечества; это самое полное самопожертвование и самый вдохновляющий из идеалов. А для некоторых это факт — факт более реальный, чем жизнь. Но для тех, для кого это не является фактом, это может быть идеалом — идеалом самопожертвования, знания и любви. Некоторые из нас знают, что такие люди есть. Но даже если вы и не верите в них, в этом идеале нет ничего, что не было бы благородным, и размышляя о нём, вы не можете не расти всё выше и выше — к свету.

Христианин видит этот же идеал в Христе, буддист — в Будде. У каждой веры есть идеал в человеке, который в ней считается божественным. И мы свидетельствуем всем религиям, что их вера истинна, а не ложна, что их Учителя — не мечта, а реальность; ведь Учитель есть осуществление обетов ученика, осуществление того идеала, которым мы восхищаемся. А для некоторых из нас эти Божественные Учителя, о жизни которых мы знаем, представляют собой

ежедневное вдохновение. И прийти с ними в соприкосновение мы можем только если стремимся себя очистить. Мы можем узнать большее только практикуя то, чему уже научены. И если сначала я говорила о теории, затем — об историческом прошлом и свидетельствах, которые мы можем предоставить вам в настоящем, а в заключение — о шагах, которые при желании могут предпринять все, то это потому, что я хочу вознести этот идеал выше нагромождённых на него насмешек и вылитой на него грязи, вне шума и раздоров, которыми его окружили.

Ругайте нас как хотите, но оставьте этот благородный идеал человеческого совершенства. Смейтесь над нами, но не смейтесь над Совершенным Человеком, человеком, ставшим Богом, в которого, в конце концов, большинство из вас верит. Не изменяйте, если вы христиане, своей собственной религии, и сохраните своего Христа хотя бы в качестве предмета веры, в который, как многие из вас знают, он превращён сейчас из живой реальности. И помните, что вне зависимости от имени идеал остаётся тем же, и за ним стоит всё та же мысль.

Как вы мыслите, так вы и развиваетесь, и каков ваш идеал, такими постепенно станут и ваши жизни. Ведь в мысли есть трансформирующая сила, и если ваши идеалы мелочны, то и ваша жизнь будет ничтожной; и если ваши идеалы материальны, то и жизнь ваша будет материальной. Возьмите этот идеал, размышляйте о нём, и ваша жизнь проникнется его чистотой; и поскольку он будет предметом ваших мыслей, вы станете более благородными людьми — ваша мысль преобразит вас по своему подобию. Воистину люди становятся похожи на то, чему поклоняются, и также верно, что они уподобляются тому, о чём думают. И в этом идеале Совершенного Человека — надежда на будущее человечества. Вот почему сегодня я защищаю его перед вами и указываю на Путь, на котором этот идеал может стать живой реальностью, Путь, приводящий от надежды к живому Учителю, Другу и Мастеру, которому вы можете посвятить свою жизнь.

Кто такой Учитель?

Среди многих вопросов относительно теософии, пожалуй ни один не возникает чаще и не вызывает большего интереса, чем вопрос об Учителях. Что означает этот термин? Кто они такие? Где они живут? Чем они занимаются? Эти и многие другие вопросы приходится слышать постоянно. Позвольте мне попытаться бросить немного света на эти вопросы и хотя бы частично на них ответить.

Учитель — это термин, используемый для обозначения человеческих существ, завершивших свою человеческую эволюцию и достигших человеческого совершенства; им нечему больше учиться, по крайней мере в том, что связано с нашей частью солнечной системы; они достигли того, что христиане называют спасением, а индусы и буддисты — освобождением. Если бы христианство всё ещё хранило «веру, однажды переданную святым»^[3] в своей полноте, спасение означало бы много больше, чем избежать вечного проклятия. Это означает свободу от принудительного перевоплощения, гарантию от неудач в эволюции. «Побеждающему» было обещано, что он будет «столпом в храме Бога моего, и он уже не выйдет вон».^[4] Преодолевший «спасён».

В основе идеи об Учителях лежит концепция эволюции, подразумевающая постепенное расширение сознания, воплощённого во всё усложняющихся материальных формах. Совершенство, которое она означает, может быть достигнуто любым человеческим существом, и ясно, что этого совершенства нельзя достичь в ходе одной краткой человеческой жизни. Различия между людьми — между гением и болваном, святым и преступником, атлетом и калекой — божественное правосудие может примирить только если каждое человеческое существо находится в процессе роста от дикого состояния к благородному, и различия эти — лишь признаки различных стадий этого роста. На вершине этой долгой эволюции стоит Учитель или «Мастер», воплощающий в себе высочайшие результаты, доступные человеку в умственном, нравственном и духовном развитии. Он выучил все уроки, которые предстоит ещё усвоить человечеству, и обладает всей ценностью опыта, который может дать этот мир. За этим следует уже сверхчеловеческая эволюция; а если такой победитель возвращается к человеческой жизни, то ни рождение уже не сможет захватить, ни смерть не сможет тронуть его, кроме как с его собственного согласия.

Для более полного представления об Учителях мы должны добавить ещё кое-что. Учитель должен быть в человеческом теле, он должен находиться в воплощении. Многие из достигающих этого уровня более не взваливают на себя груз плоти, и используя только «духовное тело», выходят из соприкосновения с этой землёй, населяя более возвышенные миры существования. Ведь Учитель — как подразумевает это название — принимает учеников, и этот термин в строгом смысле должен прилагаться лишь к тем, кто выполняет особую функцию, помогая людям двигаться по крутой дороге, позволяющей «срезать» путь к вершине человеческой эволюции и намного опередить основную массу своих сотоварищей. Эволюцию сравнивают с дорогой, опоясывающей холм всё поднимающейся спиралью, и по этой вот дороге медленно и продвигается человечество, но есть и короткий путь к вершине холма — прямой, узкий, неровный и крутой, и «немногие найдут его». Эти немногие и есть ученики Учителей. Как и в дни Христа, они должны «оставить всё и следовать за ним».

Следует кое-что сказать и о тех, кто находясь на этом уровне, не принимают учеников, но

заняты в служении миру по другим направлениям. В английском нет слова, отличающего их от Учителей, потому вынужденно их также называют Учителями или Мастерами. В Индии, где все эти различные функции известны с отдалённой древности, для них есть и различные наименования, но было бы затруднительно популяризировать их в английском языке.

Так что Учителю можно дать следующее определение: это человеческое существо, достигшее совершенства, которому нечему более учиться на Земле, и живущее на Земле в физическом теле, чтобы помогать людям, принимающее учеников, желающих развиваться быстрее ради служения и согласных оставить всё ради этой цели.

Совершенный человек: его место в эволюции

Возможно, для незнакомых с теософической концепцией эволюции будет необходимо добавить, что когда мы говорим «совершенный человек», мы подразумеваем гораздо большее, чем обычно под этим понимается. Мы имеем в виду сознание, способное непрерывно функционировать в пяти великих сферах, в которых происходит эволюция — физической, промежуточной, и небесных мирах — в том, с которым связаны все люди сейчас, и в дополнение к нему — на двух высших небесах (если вы помните, св. Павел говорил о «третьем небе»), в которые обычное человечество не может пока войти. Во всех этих мирах сознание Учителя чувствует себя как дома и включает их все, свободно действуя в своих утончённых телах в каждом из них — таким образом он в любое время может знать, что происходит, и действовать в любой части каждого из них.

Степень Учителя — пятая в великом Братстве, члены которого опередили обычную эволюцию. Четыре низших степени состоят из посвящённых учеников, живущих и работающих по большей части неизвестными обычному миру, выполняя работы, порученные теми, кто над ними стоит. В некоторые моменты человеческой истории, во времена серьёзных кризисов, при переходе от одного типа цивилизации к другому, члены оккультной иерархии, Учителя и даже ещё более возвышенные существа, приходят в мир; обычно же, хотя и будучи в воплощении, они остаются в уединённых и скрытых местах, вдали от шума человеческой жизни, чтобы проводить свою работу помощи, которую было бы невозможно выполнить в запруженных толпами местах обитания людей.

Где они живут^[5]

Они живут в разных странах и рассеяны по всему миру. Учитель Иисус обычно живёт в горах Ливана, учитель Илларион — в Египте, и у него критское тело, учителя М. и К. Х. — в Тибете, недалеко от Шигадзе, и оба они в индийских телах, учитель Ракоци — в Венгрии, но много путешествует. Мне неизвестны места пребывания «Венецианца» и учителя Сераписа. Похоже, места пребывания физического тела мало что значат, когда быстрое движение тонкого тела, по воле освободившегося от плотного, когда угодно переносит его обладателя куда бы он ни захотел. Для свободных обитателей пространства «место» теряет своё обычное значение. И хотя известно, что у них есть места пребывания, где обычно находится физическое тело, всё же это тело во многом подобно одежде, которую можно отложить в сторону в любой момент, что лишает вопрос «где» особого интереса.

Их работа

Бесчисленными способами помогают они прогрессу человечества. Из высшей сферы они

изливают свет и жизнь, которые могут быть восприняты и усвоены так же свободно, как солнечный свет, всеми кто достаточно для этого восприимчив. Как физический мир живёт божественной жизнью, имеющей свой фокус в солнце, так же живёт той же жизнью и духовный мир, и сфокусирована она в оккультной иерархии. Кроме того, Учителя, особо связанные с религиями, используют их как резервуары, которые они наполняют духовной энергией, чтобы она распределилась среди верующих каждой религии через должным образом назначенные «средства благодати». Они заняты и в великой интеллектуальной работе, посылая мыслеформы большой интеллектуальной силы, принимаемые и усваиваемые гениальными людьми, которые дают их миру; на этом уровне они также посылают свои пожелания своим ученикам, уведомляя их о задачах, за которые следует взяться.

Есть у них работа и в низшем ментальном мире — это создание мыслеформ, влияющих на конкретный ум и направляющих дела мира в полезное русло, также это и работа по обучению живущих в небесном мире. Затем, большая деятельность в промежуточном мире, связанная с помощью так называемым мёртвым, общее управление работой младших учеников, надзор за их деятельностью, и посылка помощи в бесчисленных случаях её необходимости. В физическом мире — это наблюдение тенденций в событиях, их коррекция, а также нейтрализация — в той мере, в коей позволяет закон — зловредных токов, постоянное уравнивание сил, работающих на стороне эволюции и против неё, усиление добра и ослабление зла. Они работают также во взаимодействии с ангелами наций, водительствова духовными силами, в то время как другие водительствовают материальными, выбирая и отвергая актёров великой Драмы и сообщая необходимые импульсы в нужном направлении.

Это лишь немногие из сторон деятельности, непрерывно и в каждой сфере проводимой Хранителями человечества — те виды деятельности, что попали в пределы нашего ограниченного видения. Они стоят, как охраняющая стена, внутри которой человечество может прогрессировать, не будучи сокрушено ужасными космическими силами, играющими вокруг нашего планетарного дома. Время от времени один из них приходит в мир людей, чтобы выполнить задачу по распространению новой формы Вечных Истин, формы, подходящей для новой цивилизации. В их рядах — все величайшие пророки всех религий мира, и пока религия живёт, один из Великих всегда находится у неё во главе, наблюдая за ней в порядке своего особого поручения.

В эволюции человека имеется стадия, которая непосредственно предшествует цели человеческих усилий, и когда эта стадия пройдена, к человеку, как к таковому, уже нечего добавить. Он стал совершенным; его человеческая карьера окончена. Великие религии присваивают совершенному человеку различные имена, но каково бы ни было это имя, за ним лежит та же самая идея — он и Митра, Кришна, Осирис, Будда, Христос — но это просто символизирует человека, сделавшегося совершенным. Он не принадлежит к какой-то одной религии, нации, человеческому сообществу, он не органичен рамками одной веры — повсюду это наиболее благородный, совершенный идеал.

Всякая религия провозглашает его, все вероисповедания имеют в нём своё оправдание, он тот идеал, к которому стремится каждая вера, и каждая религия выполняет свою миссию с той эффективностью, с каковой ясностью она этот идеал освещает, и точностью, с какой она указывает путь его достижения. Имя Христа, используемое для совершенного человека в христианстве, это более, чем имя человека — это наименование его состояния. “Христос в вас — упование славы” — вот идея христианских учителей. Человек по мере долгого течения эволюции достигает состояния Христа, чтобы завершить свой путь, длившийся долгие столетия; он тот, чьё имя в западных странах связано с одним из “сыновей бога”, который достиг окончательной цели человеческого существования. Слово, обычно употребляемое для обозначения этого состояния — “помазанник”. Каждый может достичь этого состояния: “Посмотри внутрь себя, ты Будда”, “Пока Христос не сформируется в вас”.^[6]

Как всякий желающий стать музыкантом должен слушать шедевры и погружаться в мелодии мастеров музыки, также должны и мы, дети человечества, поднять свои глаза и свои сердца в постоянно возобновляющемся созерцании к вершинам, на которых пребывают совершенные люди нашей расы. Чем мы являемся, они были; чем они являются, мы будем. Все сыны человеческие могут сделать то, что совершил Сын Человеческий, и мы видим в них залог своего собственного триумфа — развитие божественности в нас есть только вопрос эволюции.

Команды: внешние и внутренние

Я иногда подразделяла внутреннюю эволюцию на субморальную, моральную и суперморальную — субморальную, где различие между правильным и неправильным незамечается, и человек следует своим желаниям без сомнений, не задаваясь вопросом; моральную, где правильное и неправильное различается, становясь более определённым и содержательным, и происходит борьба за соблюдение закона; и суперморальная, где внешний закон превосходит, поскольку божественная природа управляет своими телами. На моральной стадии закон познаётся как барьер, ограничение во благо: “Делай это”, “Избегай того”; человек борется за повиновение, идёт постоянная борьба между высшей и низшей природами. В суперморальном состоянии божественная жизнь в человеке находит своё естественное выражение без внешнего руководства; он любит не потому, что он должен любить, но потому что он сам есть любовь. Цитируя благородные слова христианского посвящённого, он действует “не по закону плотских побуждений, но силой вечной жизни”. Мораль превзойдена, когда все

силы человека направляются к богу, как намагниченная иглолка поворачивается на север, когда божественность в человеке ищет наилучшее для всех.^[7] Борьбы больше нет, поскольку достигнута победа; Христос достиг своего совершенства только когда он стал победителем, мастером жизни и смерти.

Первое посвящение

В эту стадию жизни Христа или жизни Будды вступают посредством первого посвящения, в котором посвящаемый — “малое дитя”, иногда “маленький ребёнок, трёх лет”. Человек должен “возвратить детство — состояние, которое он потерял”, “стать маленьким ребёнком”, чтобы “войти в царство”. Пройдя через эти врата, он рождается к жизни Христа, и проходя “крестный путь”, он проходит через следующие друг за другом врата на этом пути, и в конце его он определённо освобождается от жизни уз и органичений, умирает ко времени, чтобы жить в вечности, и начинает осознавать себя как жизнь, а не как форму.

Нет сомнения, что в раннем христианстве эта стадия эволюции определённо признавалась присущей каждому индивидуальному христианину. Забота св. Павла о том, чтобы Христос мог быть рождён в его обращённых, может служить достаточным свидетельством этому факту, оставляя другие высказывания, которые тоже могут быть процитированы; даже этот отдельно взятый стих достаточен, чтобы показать, что в христианском идеале “стадия Христа” понималась как внутреннее состояние, финальный период эволюции каждого верующего.^[8] И хорошо, что христиане могут распознать это, а не относить жизнь ученика, оканчивающуюся совершенным человеком, к экзотике, пересаженной в западную почву, но родной только для восточных стран. Этот идеал есть часть истинного и духовного христианства, и рождение Христа в душе каждого христианина есть цель христианского учения. Главная цель религии — это вызвать это рождение, и если бы это мистическое учение выпало из христианства, эта вера не смогла бы поднять к божественности тех, кто её практикует.

Первое из великих посвящений — это рождение Христа, или Будды, в человеческом сознании, превосхождение сознания “Я”, выпадение из ограничений. Как хорошо известно всем ученикам, между весьма хорошим человеком и мастером-триумфатором есть четыре степени, предшествующих стадии Христа. В каждую из этих степеней вступают посредством посвящения, и в течение этих периодов эволюции сознание должно расширяться и расти с целью достигнуть пределов ограничений, налагаемых человеческим телом. В первой из них ощущаемое изменение — это пробуждение сознания в духовном мире, в мире, где сознание идентифицирует себя с жизнью и прекращает отождествлять себя с формами, в которые жизнь в данный момент заключена. Характерная особенность этого пробуждения — это чувство внезапного расширения, распространения за пределы привычных рамок жизни, узнавание Себя, как божественна и могуча жизнь, а не форма, радость, а не печаль, чувство восхитительного мира, прохождение через то, о чём мир может только мечтать. С выходом за рамки ограничений приходит усиленная интенсивность жизни, и когда жизнь течёт со всех сторон, радуясь уничтожению барьеров, чувство реальности так живо, что всякая жизнь в форме кажется смертью, а земной свет — темнотой. Это расширение столь изумительное по своей природе, что сознание чувствует, что оно никогда не знало себя раньше, поскольку всё, что оно понимало как сознание, есть несознание в присутствии этой бьющей фонтаном жизни. Самосознание, которое начинает зарождаться в ребёнке — человечестве, которое развилось, выросло, расширилось за пределы ограничений формы, думающей о себе как об отдельной, говорящей “я”, “мне” и “моё”, — это самосознание внезапно ощущает все “я” как Себя, все формы — как общее достояние. Оно

видит, что ограничения были необходимы для построения центра самости, в котором может существовать самоидентификация, и в то же время оно чувствует, что форма — это только инструмент, который оно использует, тогда как оно само, живое сознание, едино во всём живущем. Оно знает полный смысл часто употребляемой фразы о “единстве человечества”, и чувствует, что значит жить во всём, что живёт и движется,^[9] и это сознание сопровождается огромным чувством радости, радости жизни, которая даже в своих слабых отражениях на земле — один из острейших экстазов, известных человеку. Единство не только видимо при помощи интеллекта, но оно чувствуется как удовлетворение стремления к объединению, которое знакомо всем, кто любил; это единство, ощущаемое изнутри, невидимое снаружи; это не концепция, но жизнь.

На многих древних страницах идея рождения Христа в человеке представлена подобным же образом. Но всё же эти слова мира фром не способны показать и четвёртой части мира жизни!

Но ребёнок должен вырасти в совершенного человека, и многое предстоит сделать, встретиться с усталостью, вытерпеть многие страдания, провести многие битвы, преодолеть многие препятствия, пока Христос, рождённый слабым ребёнком, сможет достичь состояния совершенного человека. Это жизнь, полная работы среди его братьев — людей; это встреча с насмешкой и подозрением; это получение вести презрения; это боль покинутости, страсти креста и тьма могилы. Всё это лежит перед ним на пути, на который он вступил.

При помощи непрерывной практики ученик должен научиться вбирать сознание других, и фокусировать своё собственное сознание в жизни, а не форме; так он сможет покинуть “ересь разобщения”, которая заставляет его воспринимать других как нечто отличное от себя. Он должен расширять своё сознание ежедневной практикой, пока его нормальным состоянием не станет то, что он кратковременно пережил во время своего первого посвящения. С этой целью он будет пытаться в своей повседневной жизни отождествлять своё сознание с сознанием тех, с кем он входит в контакт день за днём; он будет стараться чувствовать, как они чувствуют, думать, как они думают, радоваться, как они радуются и страдать, как они страдают. Постепенно он должен развить совершенное сопереживание, симпатию, которая может вибрировать в гармонии с каждой струной человеческой лиры. Постепенно он должен научиться отвечать на любое чувство другого, будь оно низким или высоким, как если бы это было его собственное. Постепенно, при помощи постоянной практики, он должен отождествлять себя с другими во всех разнообразных условиях их различных жизней. Он должен получить урок радости и урок слёз, и это возможно только когда он превзойдёт отдельную самость, когда он более не просит чего-либо для себя, но понимает, что он должен жить в жизни один.

Его первая острая борьба будет за то, чтобы отбросить всё то, что было для него жизнью, сознанием, реальностью, и идти вперёд в одиночестве, оголённым, более не отождествляя себя с какой-либо формой. Он должен изучить закон жизни, лишь при помощи которого может проявиться внутренняя божественность, закон, который является антитезисом его прошлого. Закон формы забирает, закон жизни — даёт. Жизнь растёт, изливая себе через форму, питаемая неистощимым источником жизни в сердце вселенной; и чем больше жизнь изливается наружу, тем огромнее приток изнутри. В начале молодому Христу кажется, что вся его жизнь покидает его, поскольку его руки остаются пустыми после излияния своих даров неблагодарному миру; и только когда низшая природа определённо пожертвована, ощущается вечная жизнь, и то, что казалось смертью существа, оказывается рождением к более полной жизни.^[10]

Сознание развивается, пока первая стадия пути не пройдена, и ученик не увидит перед собой вторые врата посвящения, символизируемые в христианском писании крещением Христа. В то время как он опускается в воды мировых печалей, реку, в которой должен быть крещён каждый спаситель людей, новый поток божественной жизни проистекает на него; его сознание осознаёт себя Сыном, в котором жизнь Отца находит соответствующее выражение. Он чувствует жизнь Монады, его Отца Небесного, проистекающую в его сознание, он осознаёт, что един — не только с людьми, но и со своим небесным Отцом, и то, что он живёт на земле — это лишь выражение воли его Отца, его проявленный организм. С этих пор его служение людям — наиболее явный факт его жизни. Он Сын, которого люди должны слушать, потому что из него проистекает скрытая жизнь, и он стал каналом, через который эта скрытая жизнь может достичь внешнего мира. Он священник таинственного Бога, который вошёл в покрывале, а выступает со славой, сияющей от его лица, которая есть отражение света в святилище.

Это здесь он начинает ту работу любви, которая символизируется в его внешнем служении его стремлением исцелять и облегчать страдания; вокруг него толпятся души, ищущие света и жизни, привлечённые его внутренней силой и божественной жизнью, проявленной в уполномоченном Сыне Отца. Голодные души приходят к нему, и он даёт им хлеб; души, страдающие от болезни греха приходят, и он исцеляет их своим живым словом; души, ослеплённые невежеством, приходят, и он озаряет их мудростью. То, что отверженные и бедные, отчаявшиеся и униженные приходят к нему без чувства разобщения — один из знаков Христа в его служении. Они чувствуют привлекающее их сочувствие, а не отталкивание, поскольку он излучает доброту, и из него проистекает понимающая любовь. Конечно, они не знают, что он — развивающийся Христос, но чувствуют силу, которая возносит, жизнь, которая оживляет, и в его атмосфере они вдыхают новую силу и новую надежду.

Третье посвящение

Третьи врата перед ним, которые допускают его к следующей стадии его прогресса, и он переживает краткий момент мира, великолепия и сияния, символизируемый в христианских писаниях Преображением. Это пауза в его жизни, краткий перерыв в его активном служении, путешествие на гору, где пребывает небесный покой, и здесь — рядом с немногими, кто распознал его развивающуюся божественность — эта божественность на краткий миг сияет в своей трансцендентальной красоте. Во время этого затишья в битве он видит своё будущее; серия картин разворачивается перед его глазами; он наблюдает страдания, которые лежат перед ним — одиночество Гефсиманского сада, агонию Голгофы. С этого времени его лицо обращено к Иерусалиму, к тьме, в которую он должен войти ради любви к человечеству. Он понимает, что чтобы достичь совершенного осознания единства, он должен пережить квинтэссенцию одиночества. Прежде осознание растущей жизни, казалось, приходило к нему извне, теперь он должен осознать, что центр её внутри него; в одиночестве сердца должен он испытать настоящее единство Отца и Сына, внутреннее, а не внешнее единство, потерю даже лика отца; и для этого все внешние контакты с людьми, и даже с Богом, должны быть отсечены, чтобы внутри собственного Духа он мог найти Единое.

Тёмная ночь души

По мере того как приближается тёмный час, он всё более и более ужасается потере

людского сочувствия, на которое он мог полагаться в течении прошедших лет его жизни и служения, и когда, в критический момент его нужды, он оглядывается вокруг в поисках утешения и видит своих друзей погружёнными в безразличную дремоту, ему кажется, что все человеческие связи разорваны, что вся людская любовь есть насмешка, а вся человеческая вера — предательство; он бросается обратно к себе, чтобы убедиться, что остаётся только одна связь с Отцом Небесным, что всякая телесная помощь бесполезна. Сказано, что в этот час одиночества душа наполнена горечью, и что редкая душа переходит через эту пропасть пустоты без крика боли; это тогда вырывается мучительный упрёк: “не могли ли вы один час бодрствовать со мною?” — но ни одна человеческая рука не может пожать другую в этом Гефсиманском саду отчуждения.

Когда эта тьма людского отвержения проходит, тогда надвигаясь чашей гнева человеческой природы, приходит ещё более глубокая тьма того часа, когда разверзлась пропасть между Отцом и Сыном, между жизнью, заключённой в тело и жизнью вечной. Отец, который был осознан в Гефсиманском саду, когда все человеческие друзья дремали, скрывается в страстях креста. Это самое горькое из всех тяжких испытаний посвящаемого, когда потеряно даже сознание его жизни как Сына, и час надеющихся, поскольку триумф приходит из глубочайшего позора. Он видит своих врагов, ликующих вокруг него; он видит себя покинутым друзьями и любившими его; он чувствует, что божественная опора рассыпается под его ногами; и он выпивает последнюю каплю из чаши одиночества, изоляции, отсутствия контакта с людьми или Богом, пересекая пустоту, в которой висит его беспомощная душа. Тогда из сердца, которое чувствует себя отвергнутым даже Отцом, звучит крик: “Боже мой, Боже мой! Для чего ты меня оставил?”. Для чего эта последняя проверка, последнее испытание, наиболее жестокая из всех иллюзий? Иллюзия, поскольку умирающий Христос ближе всех к божественному Сердцу.

Потому что Сын должен знать себя, чтобы быть единым с Отцом, которого он ищет, он должен найти Бога не просто внутри себя, но как свою сокровенную сущность; только когда он знает, что Вечное — это он, и он — Вечное, тогда он не будет подвержен чувству разделения. Тогда, и только тогда он сможет совершенно помогать своей расе и станет сознательной частью возносящейся энергии.

Слава совершенства

Христос-триумфатор, Христос воскресший и вознесшийся пережил горечь смерти, узнал все человеческие страдания и поднялся над ними силой своей собственной божественности. Что сможет теперь побеспокоить его мир, или удержать его протянутую руку помощи? В течение своей эволюции он научился принимать в себя потоки людских бед и отсылать их обратно потоками мира и радости. В цикле его тогдашней деятельности это было его работой — трансмутировать силы диссонанса в силы гармонии. Теперь он может делать это для мира, для человечества, из которого он расцвёл. Христы и их ученики, каждый в мере своей эволюции, таким образом защищают мир и помогают ему, и борьба была бы значительно горше, и отчаяннее были бы битвы человечества, не будь присутствия среди них тех, чьи руки несут “тяжёлую карму мира”.

Даже те, кто находится на ранних стадиях пути, становятся возвышающими силами эволюции, как на самом деле все те, кто бескорыстно трудится для других, хотя работают они более неторопливо и постепенно. Но то, что делают другие на различных стадиях несовершенства, торжествующий Христос совершает окончательно, и потому он называется Спасителем, и эта характеристика в нём совершенна. Он спасает, не подменяя собой нас, но

разделяя с нами свою жизнь. Он мудр, и все люди становятся мудрее от его мудрости, потому что его жизнь течёт в жилы всех людей, во все людские сердца. Он не скован формой, и не отделён ни от какой. Он идеальный человек, совершенный человек; каждое человеческое существо — клетка его тела, и каждая клетка питается его жизнью.

Конечно, не стоило бы страдать на кресте и проходить путь, ведущий к нему, только для того, чтобы просто выиграть время и немного приблизить своё собственное освобождение. Цена была бы слишком дорогой для такого приобретения, борьба — слишком тяжкой для такой награды. Но нет, через его победу возвысилось человечество, и путь, по которому ступили его ноги, стал немного короче. Эволюция всей расы ускорилась и паломничество каждого сделалось не таким длинным. Это было той мыслью, которая воодушевляла его в натиске битвы, которая поддерживала его силы и смягчала боль потерь. Нет такого существа, даже слабого, даже униженного, даже безразличного, даже грешного, которое не стало бы немного ближе к свету, когда Сын Всевышнего окончил свой путь. Как же ускорится эволюция по мере того, как всё больше и больше этих Сынов поднимутся победителями и войдут в сознание жизни вечной! Как быстро будет вращаться колесо, поднимающее человека в божественность, когда всё больше людей станут сознательно божественными!

Вдохновляющий идеал

В этом стимул для каждого из нас, кто в самые благородные минуты чувствовал притяжение жизни, проистекающей ради любви к людям. Давайте подумаем о страданиях мира, который не знает, почему страдает; о нужде, горе и отчаянии людей, не знающих, почему они живут и почему умирают; которые день за днём, год за годом, видят страдания, обрушивающиеся на них и на других, и не понимают, в чём их причина; которые сражаются с отчаянной храбростью или свирепо восстают против условий, которых они не могут понять и объяснить. Давайте думать о боли, рождённой слепотой, о темноте, в которой они пробираются ощупью, без надежды, без стремления, без знания настоящей жизни и красоты, скрывающейся за завесой. Давайте думать о миллионах наших братьев во тьме, а потом о поднимающихся энергиях, рождённых в наших страданиях, наших битвах и наших жертвах. Мы можем поднять их на один шаг к свету, облегчить их боли, уменьшить их невежество, сократить их путешествие к знанию, которое есть свет и жизнь. Кто из нас, знающий даже немного, не отдаст себя за тех, кто не знает ничего?

Мы знаем с помощью Закона неизменного, Истины незыблемой, вечной Жизни и Бога, что вся божественность — внутри нас, и хотя она сейчас развита лишь немного, всё имеется для бесконечной способности, открытой для поднятия мира. Ведь определённо есть ещё не один такой, кто способен почувствовать пульсацию Божественной Жизни, но ещё не привлечён надеждой к помощи и благословию. И если эта жизнь будет почувствована, пусть слабо, пусть на короткое время, то это по причине того, что в сердце начался первый трепет, который развернётся как жизнь Христа, ибо приближается время рождения Христа-младенца, потому что в нём человечество стремится расцвести.

«Голос Безмолвия».

«Голос Безмолвия». Другие цитаты из той же книги.

Откровение, 3:12.

Иуд., 1:3.

Более полный отчёт об этом дан в книге Ч. У. Ледбитера «Учителя и Путь» — прим. авт.
См. также книгу А. Бэйли «Посвящение человеческое и солнечное» — прим. пер.

Нетрудно заметить, что излагаемая здесь концепция радикально расходится с пониманием Христа в Православии, как единственного Сына Божего. Приведённые далее слова св. Павла однако свидетельствуют в её поддержку (см. прим. 3). (Здесь и далее — прим. пер.)

Грех не должен над вами господствовать, ибо вы не под законом, но под благодатью. (посл. Римлянам, 6.14)

Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями. (Там же, 8.29)

А если Христос в вас, то тело мертво для греха, но дух жив для праведности. (Там же, 8.10)

Подробнее об этом состоянии см.: Ч. Ледбитер, “Сознание Буддхи”.

Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха; а что живёт, то живёт для Бога. (Там же, 6.10)